

Соёнов В.И., Эбель А.В.
(г. Горно-Алтайск)
**РАСКОПКИ КУРГАНОВ СКИФСКОГО
ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ КЫЗАЛ-ТАШ**

В полевой сезон 1994 года, в ходе совместных алтайско - монгольских исследований, археологической экспедицией Горно-Алтайского государственного университета проводились раскопки в Курайской степи. На одном из пунктов - могильнике Курайка В.И. Соёновым раскапывались погребения гунно-сарматского времени (Соёнов, 1995, с.145- 147). На втором пункте - могильнике Кызыл-Таш А.В. Эбелем раскапывались четырехугольные оградки с балбалами (Соёнов, Эбель, с.115-118) и курганы скифского времени. В настоящей книге мы публикуем результаты раскопок курганов скифского времени.

Могильник Кызыл-Таш расположен в 4 км к северо-востоку от с.Курай Кош-Агачского района около старой воинской части на правом берегу р. Кызыл-Таш. Могильник включает курганы и прямоугольные оградки. Основная часть курганов расположены цепочкой в меридиональном направлении. Остальные курганы примыкают к ним. Мы приводим описание раскопанных объектов согласно полевой нумерации, в порядке возрастания номеров.

Курган 1. Расположен в северо-восточной части могильника около раскопанной оградки (Соёнов, Эбель, 1996, с.117). Насыпь кургана представляла собой овальную в плане однослойную каменную кладку размерами 7,6 х 5,6 м, ориентированную длинной осью по линии 3-В. В насыпи из рваного и окатанного камня выявлена крепида размерами 3,6 х 2,4 м. В середине крепиды обнаружена могильная яма вытянуто-овальной формы в плане размерами 1,4х0,84 м, ориентированная по линии 3-В. Глубина ямы - 1,7 м. Погребения и инвентаря нет.

Курган 20. Расположен в южной части могильника. Насыпь представляет собой овальную в плане каменную кладку из рваного и окатанного камня размерами 6,8 х 5,2 м, ориентированную длинной осью по линии 3-В. Под насыпью имелась могильная яма вытянуто-овальной формы в плане с расширением в восточной части (рис.1-1). Средние размеры ямы 2,2 х 1,1 м. Яма ориентирована по линии 3-3. В яме глубиной 2,3 м погребений не оказалось. На дне обнаружен древесный тлен. В восточной части ямы находилось 7 черепов животных: лошади, коз, овец. Из предметов инвентаря обнаружено в челюстях конского черепа звено бронзовых кольчатых удил с остатками кожи и деревянного псалгия (рис.1-3).

Курган 21. Расположен рядом с курганом 20 (к ЮВ от него). Насыпь представляет собой овальную в плане кладку из рваного и окатанного камня размерами 5,2 х 4,6 м, ориентированную длинной осью по линии 3-В. Под насыпью имелась могильная яма вытянуто-овальной

формы в плане с расширением в восточной части. Средние размеры - 2,4 х 0,95 м. Яма ориентирована по линии 3-В. В ней обнаружен комбинированный ящик с дощатым перекрытием. Торцевые стенки ящика сделаны из окатанных валунов, а боковые из дерева (рис.1-2). Размеры ящика 1,9 х 0,55 х 0,25 м. В ящике находилось погребение человека, положенного вытянуто на спину головой на В. Череп раздавлен, руки вытянуты вдоль туловища. В районе таза обнаружены лопатка и ребро лошади (?) и бронзовый черешковый резец (?) с односторонней заточкой рабочего конца (рис.1-4). За пределами ящика в восточном секторе ямы над головой погребенного находились кости и 7 черепов животных: лошади, коз, овец коровы (?).

Курган 22. Расположен в южной части могильника. В основную цепочку курганов не входит. Насыпь представляет собой овальную в плане однослойную каменную кладку из рваного и окатанного камня размерами 6,5 х 5 м, ориентированную длинной осью по линии 3-В. Под насыпью обнаружена могильная яма вытянуто-овальной формы с расширением в восточной части. Средние размеры ямы 2 - 0,75 м. Яма ориентирована по линии 3 - В и слегка расширяется ко дну. На глубине 1,5 м обнаружена забутовка из окатанного и рваного камня, под которой имелось перекрытие каменного ящика из плит разных размеров. Каменный ящик размерами 1,7 х 0,35 х 0,40 м был сооружен из 6 плит (рис.2-1). В центре каменного ящика обнаружена лопатка лошади и бронзовый нож (рис.2-2), находившийся на древесном тлене (видимо, остаток блюда). В западной части ящика обнаружены два костяных шипастых трехгранных наконечника стрелы (рис. 2-3,4). За пределами ящика в восточной части ямы находились шесть черепов животных: коз, овец и лошадей. У юго-восточного угла каменного ящика обнаружена выделенно-рамчатая костяная пряжка с неподвижным боковым шпеньком и круглой концевой прорезью (рис.2-5).

Курган 22 А. Примыкал к кургану 22 с северной стороны. Внешних признаков не имел. Обнаружен в ходе раскопок кургана 22. Насыпь представляла собой однослойную овальную в плане каменную выкладку размерами 2,5 х 2 м, ориентированную длинной осью по линии 3-В. Под насыпью имелась вытянуто-овальная в плане могильная яма с расширением в восточной части. Средние размеры ямы 1,1 х 0,5 м. Ориентированная по линии 3-В., яма слегка расширялась ко дну. На глубине 1,1 м было обнаружено перекрытие каменного ящика из плит и валунов. Под перекрытием находился каменный ящик из вертикально поставленных на ребро плит размерами 1 х 0,55 х 0,4 м (рис.3-1). В ящике находилось погребение ребенка 5-7 лет. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на В. Голова умершего была положена на грунтовую подушку, поэтому череп оказался

"поставленным" на основание. Руки были слегка согнуты в локтях, а кисти находились на тазе. Несмотря на предполагаемый возраст погребенного, родничок на черепе не зарос. Наблюдается также выступание лобных и теменных бугров и выраженное преобладание мозговой части черепа над лицевой.

Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено. На костях правой руки находилась баранья лопатка и ребро, а за пределами ящика, в восточной части ямы над головой погребенного обнаружены 2 черепа: козы и овцы.

Курган 25. расположен к югу от кургана 22. Насыпь представляет собой однослойную овальную в плане выкладку из рваного и окатанного камня размерами 3,6 x 2,8 м, ориентированную длинной осью по линии 3-В. Под насыпью обнаружена могильная яма вытянуто-овальной формы с расширением в восточной части. Средние размеры ямы 1,5 x 0,8 м. Ориентирована яма по линии 3-В. Глубина - 1,2 м. Погребение не обнаружено. На дне ямы имелся древесный тлен (рис.3-2), на котором находились: в восточной части ямы - бронзовый однолезвийный нож с отверстием в рукояти (рис.3-4); в западной части ямы - плохо сохранившийся костяной черешковый наконечник стрелы (рис.3-3). У северо-восточной стенки ямы обнаружены четыре черепа животных (овцы, коза, лошадь), а также четыре пары копыт.

Таким образом, из вышеизложенного видим, что: 1) раскопанные курганы могильника Кызыл-Таш расположены цепочкой с севера на юг; 2) насыпи курганов сложены из рваного и окатанного камня в один слой и в плане имеют форму овала, ориентированного по линии 3-В; 3) могильные ямы вытянуто-овальной формы ориентированы по линии 3-В и имеют расширение в восточной части; 4) глубина ям небольшая (до 2,5 м); 5) внутри-могильные конструкции представлены каменным ящиком с каменным перекрытием (кк.22, 22 А), комбинированным каменно-деревянным ящиком с дощатым перекрытием (к.21); деревянным ложем (кк.20, 25), а одна яма не имела внутри никаких конструкций; 6) погребенные лежали вытянуто на спине головой на В (к. 21, 22 А), а в четырех курганах погребений людей не обнаружено; 7) в восточном секторе пяти ям обнаружены черепа животных количеством от 2 до 7 штук (кк. 20, 21, 22, 22 А, 25), только в одной яме их не было (к.1); 8) в одном кургане вместе с черепами животных обнаружены по 1 паре копыт от каждого животного (к.25); 9) в трех курганах найдены лопатки животных (в двух случаях - в области таза погребенных, в кенотафе - в середине ямы) (кк.21, 22, 22 А); 10) в четырех курганах найдены предметы инвентаря (кк.20, 21, 22, 25), а в остальных двух курганах вещей не обнаружено (кк. 1, 22А).

Рассмотрим инвентарь из курганов. Предметы сопроводительного инвентаря изготовлены из кости и бронзы. Железных

изделий нет, хотя железные изделия получили в Горном Алтае распространение уже с середины I тыс. до н.э. Звено литых соединеннопетельных удил, обнаруженное в к. 20 имеют кольчатое окончание овальной формы, в которое был вставлен стержневой деревянный псалий. Псалий сохранился в виде древесного тлена, поэтому невозможно определить его внешний вид. Судя по сохранившемуся остатку ремня, второго металлического звена не было, а его заменял кожаный ремешок. Подобная форма кольчатых удил - одна из довольно распространенных в Южной Сибири и Центральной Азии, начиная с VIII-VII вв. до н.э. и до рубежа нашей эры (Кубарев, 1987, с. 32; 1991, с.44-45; 1992, с.30): По мнению В.Д. Кубарева бронзовые кольчатые удила на Алтае сосуществовали с железными на протяжении пазырыкского времени, но в III-I вв. до н. э. они уже являются анахронизмом (Кубарев, 1987, с.32).

Бронзовое изделие из к.21 имеет форму стержня, плавно сужающегося к одному концу. Сечение в виде высокого прямоугольника. Сужающийся конец заканчивается закруглением, а противоположная сторона с обломанным концом - расплюсчен. Сечение на этом месте в виде высокого треугольника. Видимо, мы имеем дело с резцом, у которого была деревянная рукоять. Установить узкие хронологические рамки бытования данного изделия сегодня не представляется возможным.

Костяные трехгранные шипастые наконечники стрел с треугольной формой пера из к.22 имели размеры: первый - длину 6,2 см, ширину 1,5 см, длину черешка 2,6, длину пера 3,6 см (рис.2-4), а второй - соответственно 6; 1,5; 3; 3 см (рис.2-3). На черешках обоих наконечников имелись тонкие косые линии для лучшего закрепления их на древке. У первого наконечника одна грань сохранилась не полностью, но все же четко просматриваются три косые нарезки - метки, расположенные параллельно. У второго экземпляра косые нарезки плохо просматриваются, но тем не менее их можно различить. Типологически близкие наконечники, лишь немного отличающиеся пропорциями, известны в Горном Алтае на могильниках Кара-Коба II (Могильников, 1983, с. 54, 57), Талдура I (Могильников, Елин, 1982, с.106), Кайнду (Неверов, Степанова, 1990, с. 246, 249, 255, 257), Бертек - 10 (Молодин, Мыльников, 1994, с.74) Тербедок (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, с.170), Айрыдаш III (Кочеев, 1990, рис.4-7), Ак-Алаха I (Полосьмак, 1994 а, с.30, 63) Сапдам, Усть-Эдиган (Худяков, 1996, с.91). В вопросе о датировке трехгранных шипастых черешковых наконечников разброс мнений большой: от VII в. до н.э. до II в. до н.э. Широко их датируют в своих сводках В.А. Кочеев и А.С. Суразаков (Кочеев, 1987, с.57; Суразаков, 1989, с.59). В.А. Могильников датировал кара-кобинские погребения, содержавшие

наконечники данного типа, IV-III вв. до н.э. (Могильников, 1983, с.62) а погребения Талдуры - второй половиной VI- первой половиной IV в до н.э. (Могильников, Елин, 1992, с. 108). В.Б. Бородаев и Ю.Т. Мамадаков кыргызские погребения отнесли к VI - середине V в. до н.э. (Бородаев, Мамадаков, 1985, с.5Э). Погребения могильника Кайнду, где встречаются трехгранные шипастые черешковые наконечники стрел, датированы С.В. Неверовым и Н.Ф. Степановой VI-IV вв. до н.э. (Неверов, Степанова, 1990, с.269). Бертек -10 датирован V-III вв. до н.э. (Молодин, Мыльников, 1994, с.76; Полосьмак, 1994, с.141). Погребения могильника Айрыдаш I датирован В.А. Кочеевым III-II вв. до н.э. (Кочеев, 1990, с.223). Ак-Алахинские курганы Н.В. Попосьмак отнесла к V - началу IV вв. до н.э. (Полосьмак, 1994а, с.66). Погребения могильника Салдам и Усть-Эдиган Ю.С. Худяков отнес к завершающему этапу пазырыкской культуры (Худяков, 1996, с.95).

Что касается резных знаков на стрелах, то в Горном Алтае они встречены у 28 наконечников, датированных VI-III вв. до н.э. (Кочеев, 1994, с.58). Назначение этих знаков неясно. В настоящее время существуют различные точки зрения по поводу их интерпретации, которые отмечались В.А. Кочеевым и В.Д. Кубаревым (Кочеев, 1994, с.57-59; Кубарев, 1995, с.100-104). Одни исследователи в знаках на стрелах видят знаки собственности (В.Н. Полторацкая), другие - знаки мастеров (В.Б. Бородаев, Ю.Т. Мамадаков) или символы родовой или этнической принадлежности (В.А. Кочеев) и т.д. В целом знаки на стрелах - распространенное явление в степях Евразии (Кубарев, 1995, с.102).

Костяная выделеннорамчатая подпружная пряжка с неподвижным боковым шпеньком и круглой концевой прорезью, найденная в к.22 имеет аналогии в курганах скифского времени Горного Алтая (Суразаков, 1989, рис. 13-10,11). Отличия кызыл-ташской пряжки от них незначительны. Они заключаются в форме концевой прорези и в соотношении размеров щитка и рамки. Пряжки данного типа известны в конце VI-V вв. до н.э., но бытовали и в более позднее время (Суразаков, 1989, с. 39).

Бронзовый однолезвийный нож с отверстием в рукояти общей длиной 15,7 см, шириной лезвия 1,5 см, шириной рукояти 1,3 см, найденный в к.22 имеет слегка изогнутое лезвие и выделенную плавным уступом рукоять, которая уже лезвия. Лезвие и рукоять одинаковы по длине. Ножи подобной формы были широко распространены в Центральной и Средней Азии с раннескифского времени: наиболее ранние появились в памятниках VIII-VI вв. до н.э. и продолжали бытовать на протяжении всего скифского времени до III—II вв. до н.э. (Кубарев, 1987, с.54; Суразаков, 1989, с. 19-20).

Нож найденный в к.25 близок к вышеописанному по технике изготовления, хотя имеет определенные отличия в деталях.

Размеры: общая длина 11,7 см (конец лезвия обломан), ширина лезвия 1,6 см, ширина рукояти 1,2 см. Спинка ножа прямая, лезвие в виде неравностороннего треугольника отделено от рукояти плавным уступом. На рукояти имеется отверстие арочной формы. Аналогичные ножи в Горном Алтае известны на могильниках Юстыд (Кубарев, 1991, рис.15-3), Барбуразы I (Кубарев, 1992, рис. 17-6), Талдура I (Могильников, Елин, 1982, рис. 1-1). Единственное отличие этих ножей - оформление навершия рукояти. Хронологическая принадлежность погребения могильника Барбуразы I, где обнаружен аналогичный кызыл-ташскому нож - IV-III вв. до н.э. (Кубарев, 1992, с.113), а могильника Юстыд - V-IV вв. до н.э. (Кубарев, 1991, с.133). Дата погребения могильника Талдура I, как отмечалось выше, вторая половина VI - первая половина IV в. до н.э. (Могильников, Елин, 1982, с.108).

Костяной черешковый наконечник из к.25 сохранился не полностью. Судя по сохранившейся части, можно сказать, что он был плоским, а перо вытянуто-треугольной (?) формы. По всей видимости, он близок к наконечникам из могильника Кызыл-Телань I, датированным V-III вв. до н.э. (Суразаков, 1983, с.43, 46).

Таким образом, погребальный инвентарь могильника Кызыл-Таш не дает узкой датировки курганом. Широкая дата колеблется в пределах от VI-V вв. до н.э. до III-II вв. до н.э.

По некоторым элементам погребального обряда, раскопанные курганы Кызыл-Таша близки к погребальным памятникам пазырыкской культуры. Для кызыл-ташских курганов, как и пазырыкских, характерно меридиональное расположение на могильнике. Данный признак присущ для всех могильников скифского времени Горного Алтая. Зафиксированные в кызыл-ташских погребениях каменные ящики и погребальные ложа являются распространенными внутримогильными конструкциями в пазырыкских памятниках, хотя и не основными. Восточная ориентировка погребенных тоже сближает кызыл-ташские курганы с пазырыкскими, поскольку ориентировка умерших головой на восток наиболее характерная ориентировка в пазырыкском погребальном обряде (Суразаков, 1994, с.73). Но в то же время в элементах погребального обряда могильника Кызыл-Таш имеются черты свидетельствующие об их явном несоответствии пазырыкскому "стандарту". Надмогильные конструкции в виде овальных насыпей не характерны для пазырыкских погребальных памятников. Они зафиксированы в Горном Алтае у могил булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени на могильниках Айрыдаш I. (Суразаков, 1990, с.197 - 200), Бике I (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 43-95), Верх-Уймон и Чендек (Соенов, Эбель, 1992), Тыткескен VI (Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992, с.125-130). Вытянуто-овальные

в плане могильные ямы, расширяющиеся ко дну тоже наиболее часто встречаются в вышеуказанных памятниках гунно-сарматского времени Горного Алтая, а в пазырыкское время могильные ямы были преимущественно прямоугольными в плане со слегка закругленными углами (Суразаков, 1994, с. 72). Отклонением от пазырыкского "стандарта" является и то, что в погребениях отсутствуют сопроводительные захоронения коней и типичные для малых, средних и царских курганов - срубы, а также наличие такой внутримогильной конструкции, как комбинированный каменно-деревянный ящик. Такие комбинированные ящики характерны для памятников более позднего гунно-сарматского времени Горного Алтая: Сары-Бел, Бике - I, Айрыдаш I, Усть Эдиган. Положение погребенных могильника Кызыл-Таш также не соответствует традициям пазырыкского погребального обряда, поскольку для скифского времени Горного Алтая характерно преимущественно положение умерших на правом боку со слегка подогнутыми ногами (Суразаков, 1994, с.73). Вытянутое положение умерших на спине с вытянутыми вдоль туловища или со слегка согнутыми в локтях руками становится распространенным в Горном Алтае только в гунно-сарматское время. В скифских памятниках Горного Алтая погребение умерших в вытянутом положении известны лишь в нескольких случаях (Сорокин, 1974, с.77; Могильников, 1983, с.42; 1986, с.36-37; Неверов, Степанова, 1990, с.243-256; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с.44-45, 49-50).

Обращает на себя внимание факт наличия черепов животных в восточном секторе могильных ям. Это несвойственно погребальному обряду вариантов пазырыкской культуры, хотя на Алтае известные аналогичные случаи на могильниках Елангаш (Кубарев, Гребенщиков, 1979, с.70) и Кер-Кечу (Могильников, 1988, с.68). Положение голов животных в могильную яму характерно для центральноазиатских хунну периода рубежа эр (Коневалов, 1976, с. 161-162). В скифское время этот обычай встречается в саглынской культуре Тувы (Полторацкая, 1966, с.83), но широко был распространен в Северном Китае и известен по могильникам V-III вв. до н.э. Маоцингоу, Таохунбал, Гунсухао, Сигоупань и другим (Миняев, 1991, с. 108-109). Первоначально китайские археологи определили эти памятники как ранне сюннуские. Однако, данное мнение не выдержало критики и сегодня исследователи склонны рассматривать эти памятники как могильники лоуфаней, обитавших в Ордосе и прилегающих районах еще в эпоху Чуньцю и попавших под власть сюнну в конце III в. до н.э. (Миняев, 1991 а, с.124).

В вопросе о появлении в Горном Алтае погребений с черепами в восточной части ямы единого мнения среди исследователей нет. В.А.

Могильников считает, что елангашское погребение объясняется влиянием погребальной обрядности хунну, которые проникли в конце III-II вв. до н.э. в Чуйскую степь, а погребение в Кер-Кечу датируемое V-IV вв. до н.э. "следует относить за счет погребального ритуала каракобинцев" (Могильников, 1988, с.74). А.С. Суразаков объясняет появление елангашского погребения проникновением в "среду пазырыкцев окружающих их инopleменников" (Суразаков, 1989, с. 123). По мнению Н.В. Полосьмак, алтайские погребения с черепами животных в головах связаны с инфильтрацией населения Северного Китая, близкого к пазырыкцам "по образу жизни и культу-ре" (Полосьмак, 1994, с.143).

На наш взгляд, могилы с черепами в восточной части ямы появились на Саяно-Алтае в конце IV - начале III в. до н.э. Их появление, возможно, связано с усилением в IV в. до н.э. китайского царства Цинь и его завоеваниями. Китайцы в 307 г. до н.э. разгромили лоуфаней и линьху, овладели их землями в Северном Китае (Ордос и соседние районы) и стали строить Великую стену от Иньшаня (Бериштам, 1951, с.26; Авдиев, 1953, с.659; Гумилев, 1993, с.41-42). В это время часть населения Северного Китая, видимо, мигрировала в другие регионы, населенные родственными народами (вспомним аналогичную миграцию на Алтай казахов в конце прошлого века). Именно эти мигранты принесли на Алтай и в Туву обычай класть в погребение головы животных, копыта, лопатки. О прищелости на Алтае населения оставившего погребение Кызыл-Таша (возможно, также и Елангаша, и Кер - Кечу), из Внутренней Азии, кроме признаков погребального обряда, косвенно свидетельствует и характер сопроводительного инвентаря. Мы выше отмечали, что в кызыл-ташских погребениях, в отличие от синхронных пазырыкских, не обнаружены железные изделия. Исследователями давно замечено, что на западе Евразийских степей в скифское время были широко распространены и бронза и железо, а чем восточнее - тем больше преобладали изделия из бронзы. В Северном Китае культура скифского времени связана только с бронзой (Бернштам, 1951, с.26). Архаичность изделий Кызыл-Таша, по сравнению с синхронными пазырыкскими, в какой-то мере объясняется этим явлением.

Таким образом, резюмируя изложенное выше, можно отметить, что курганы с черепами животных в восточной части могильных ям появились в Горном Алтае в конце IV-III в. до н.э. и являются погребальными памятниками выходцев из более восточного региона. Эти погребения- первые признаки начавшегося массивированного воздействия культуры населения Внутренней Азии на население Саяно-Алтая, которое закончилось, в конечном счете, трансформацией культур скифского круга в культуры гуннского типа.

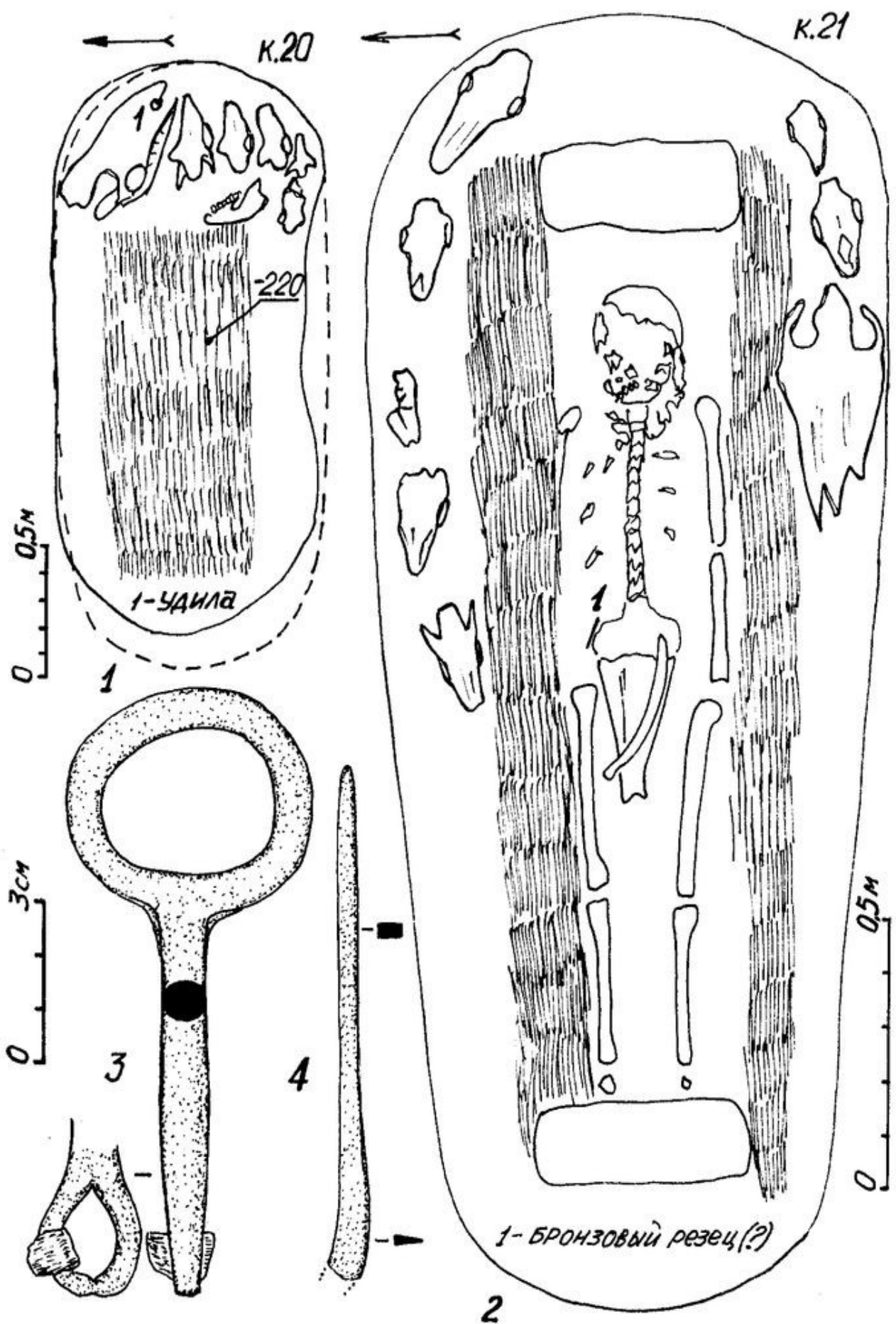

Рис.1

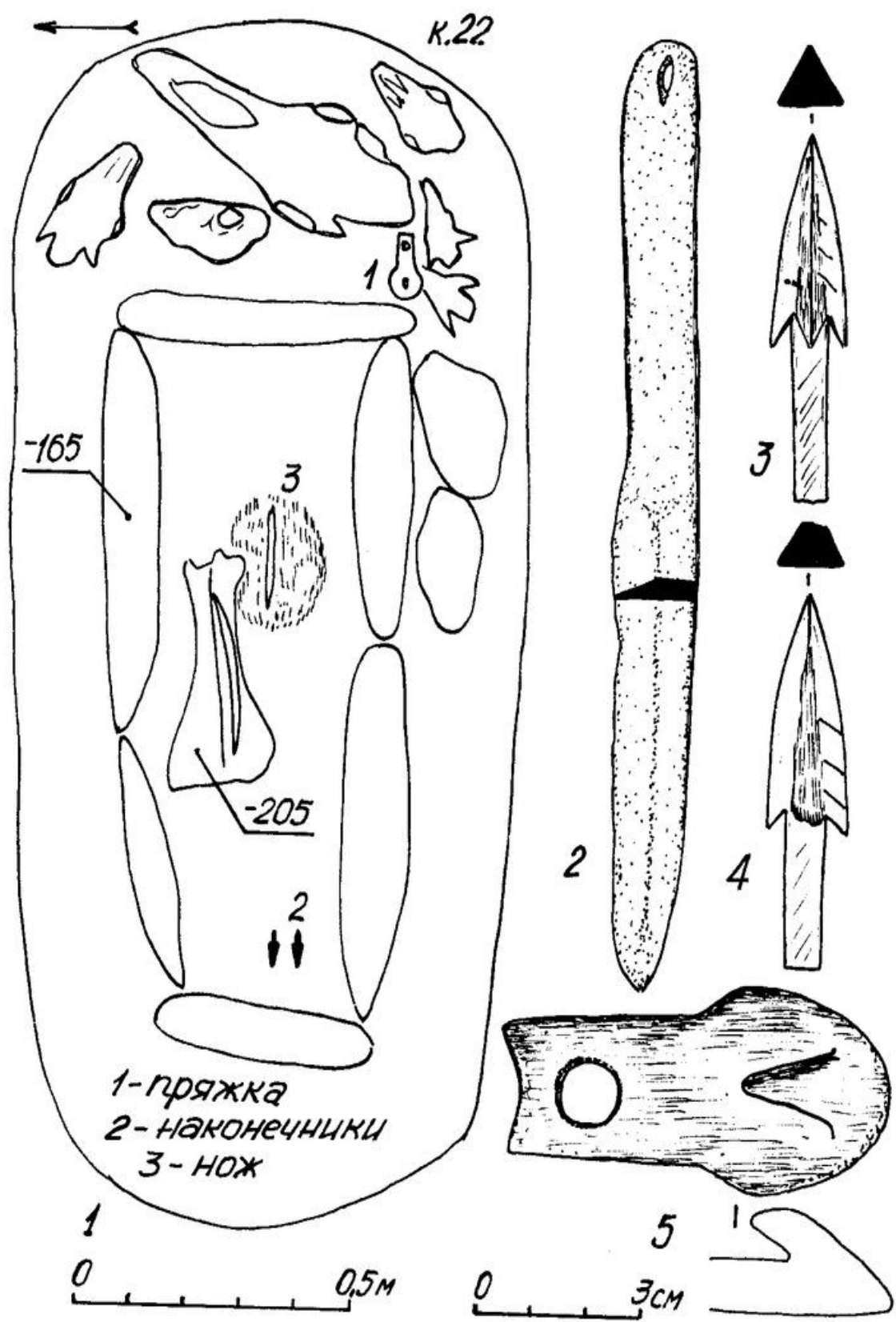

Рис. 2

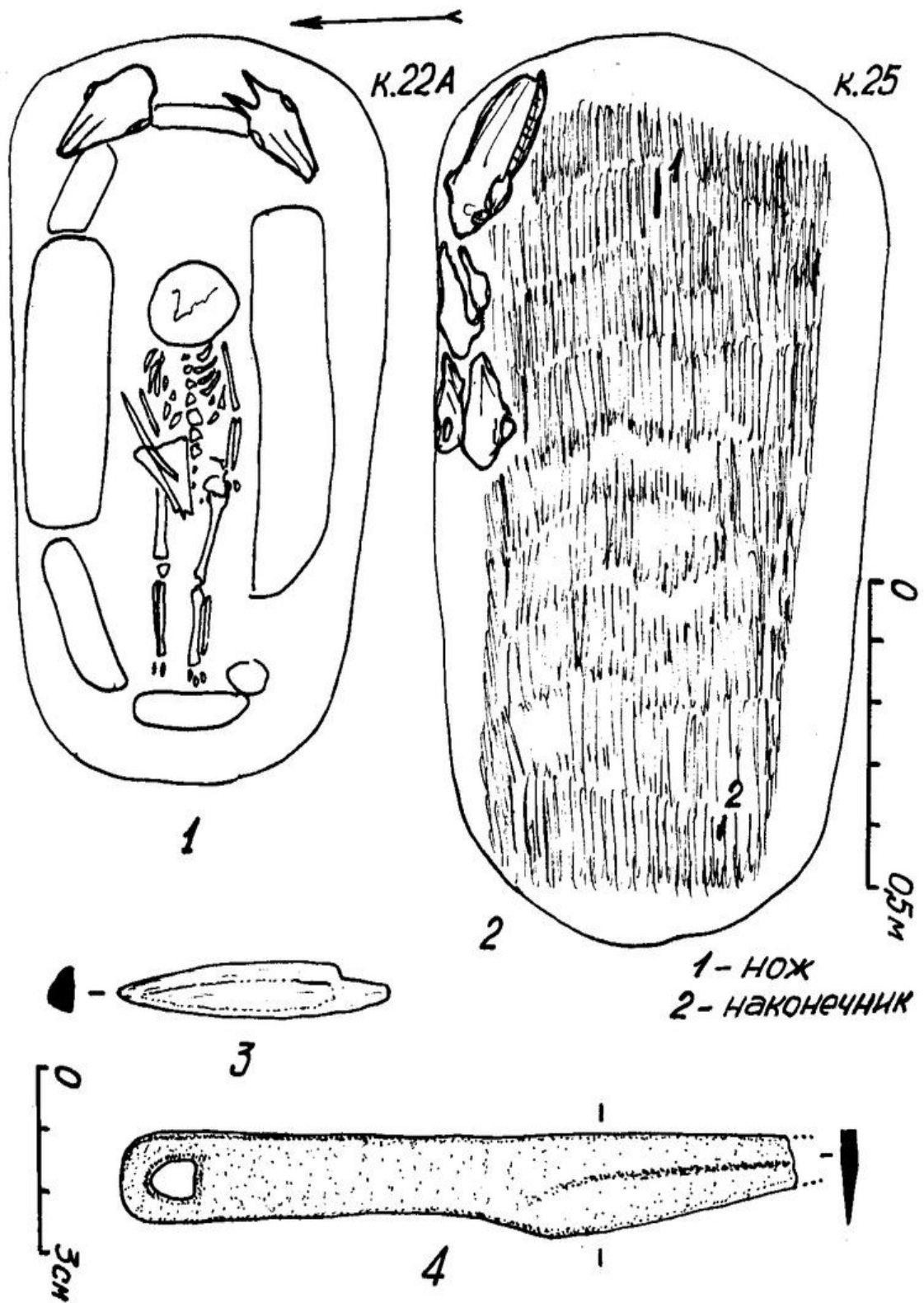

Рис. 3

Литература

1. Авдеев В.И. История древнего Востока. -М., 1953. 760 с.
2. Берштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л., 1951.256 с.
3. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык - 1 и Кырлык - 2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. - Новосибирск, 1985. С.51-88.
4. Гумилев Л.Н. Хунну. - СПб, 1993. 224 с.
5. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень VI на средней Катунь //Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул, 1992. С.125-130.
6. Коновалов П.Д. Хунну в Забайкалье. -Улан-Удэ, 1976. 220 с.
7. Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно- Алтайск, 1987. С.55-60.
8. Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш III //Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990. С.210-224
9. Кочеев В.А. Знаки на стрелах //Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. - Горно-Алтайск, 1994. С.57-59.
10. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987. 301 с.
11. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск, 1991. 189 с.
12. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск, 1992. 219 с.
13. Кубарев В.Д. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая //Изучение памятников археологии Алтайского края. - Барнаул, 1995. Выпуск V. Часть I. С.100-104.
14. Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи //Сибирь с древности. - Новосибирск, 1979. С.61-75.
15. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике //Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск, 1990. С.43-95.
16. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у пос. Акташ а Горном Алтае //Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул, 1985. С.147-172.
17. Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе //Проблемы хронологии в археологии и истории. - Барнаул, 1991. С.108-120.
18. Миняев С.С. О хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса //Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991 а. С.122-124.
19. Могильников В.А., Курганы Кара-Коба II //Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983. С.52-89.
20. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке //Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1986. С.35-67.
21. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу //Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1988. С.60-107.
22. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I //КСИА, 1982. Вып. 170. С. 103-108.
23. Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек - 10 //Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск, 1994. С.70-76.
24. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае //Археологические исследования на Катунь. -Новосибирск, 1990. С.242 -270.
25. Соенов В.И. Могильник Курайка //Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1995. С.145-147.
26. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. - Горно-Алтайск, 1992. 116 с.
27. Соенов В.И., Эбель А.В. Могильник Сары-Бел - новый памятник гунно-сарматской эпохи Горного Алтая //Горный Алтай и Россия 240 лет. - Горно-Алтайск, 1996. С. 38-40.
28. Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык - Телань I //Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983. С.42-52.
29. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. - Горно-Алтайск, 1989. 215 с.
30. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш //Археологические исследования на Катунь. -Новосибирск, 1990. С. 197-200.
31. Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев //Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. С.71-74.
32. Полосьмак Н.В. "Стерегищие золото грифы". - Новосибирск, 1994 а. 123 с.
33. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура//Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск, 1994. С.137-144
34. Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве //АСГЭ. 1966. Вып.8 С.78-102.
35. Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су //АСГЭ. 1974. Вып.16. С.62-91.
36. Худяков ЮС. Коллекция оружия скифского времени из могильников Салдам и Усть - Эдиган //Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1995. №1. С.87-101.

Список иллюстраций к ст. Соёнова В.И., Эбеля А.В. "Раскопки сурганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш"

Рис. 1. Планы ям и инвентарь из могильника Кызыл-Таш:

- 1 - план могильной ямы к.20;
- 2 - план погребения к.221;
- 3 - бронзовые удила из к.20;
- 4 - бронзовый резец (?) из к.21.

Рис. 2. План ямы и инвентарь из могильника

Кызыл-Таш:

- 1 - план могильной ямы к.22;
- 2 - бронзовый нож;

3,4 костяные наконечники стрел; 5 - костяная подпружная пряжка.

Рис. 3. План ямы и инвентарь из могильника
Кызыл-Таш:

- 1 - план погребения к.22 А;
- 2 - план могильной ямы к.25;
- 3 - костяной наконечник стрелы;
- 4 - бронзовый нож.